

Неантиципирующая способность сознания в феноменологии творчества раннего Сартра*

Г. А. ВОСТРОВА

(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»,
г. МОСКВА)

Философский интерес Ж.-П. Сартра начинается с проблемы воображения — проблемы, теоретическим основанием которой является учение о негативности сознания, наиболее адекватно и продуктивно воплощающееся прежде всего в художественном творчестве. В работах раннего периода творческое воображение исследуется и определяется с помощью сартровского неологизма «неантиципация» (néantisation). Именно момент отрицания, выражающийся в неантиципирующей способности воображающего сознания, признается источником и основанием прекрасного как ценности ирреального мира.

Воображение согласно концепции Сартра («образный акт есть инверсия реализующего акта») не только не связано с отражением реальности, но, напротив, не имеет с ним

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта 56, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2013 (project No. 56).

ничего общего: воображающая установка сознания возникает лишь при условии «обращения в небытие» реального мира, другими словами, художественное творчество начинается с феноменологического ничтожения мира отвращающимся от него сознанием. В этой связи, с одной стороны, создание произведений искусства как эстетических объектов оказывается наиболее конструктивным родом деятельности, так как объектом неантнизации является мир как тотальность. С другой стороны, доводя эту негативность до предельной возможности в воссоздании археологических жизнеописаний «проклятых поэтов», Сартр разрабатывает теорию творчества в круге несвободы.

В статье ставится задача анализа творческой конструктивности акта воображения как существенного и трансцендентального условия сознания в феноменологии творчества раннего Сартра; обнаружения историко-философских предпосылок обозначенной позиции (в частности, точки зрения А. Шопенгауэра в трактовке способности эстетического созерцания), выявления аналогий намеченного подхода в теории искусства XX в. (речь идет о принципе преобразования Н. Евреинова).

Ключевые слова: Ж.-П. Сартр, творчество, свобода, отрицание, воображение, воображаемое, неантнизация, преобразование, А. Шопенгауэр, Н. Евреинов.

ВВЕДЕНИЕ

Открытие темы продуктивности отрицания посткантовской философией является предометом многих современных исследований. Так, в частности, А. Магун отмечает, что «не-реальность, “работает” ли она, как у Гегеля, или “простаивает”, как у Беньямина или Батая, имеет вполне реальные следствия: делает бытие историчным, пластичным, открытым возможностям» (Магун, 2006: 124–125).

Не случайно поэтому философский интерес Ж.-П. Сартра начинается (см.: Sartre, 1936a; 1936b; 1939; 1940) и заканчивается (как бы «закольцовывается») с проблемы воображения — проблемы, теоретическим основанием которой является учение о негативности сознания, наиболее адекватно воплощающееся прежде всего в творчестве художника. По признанию автора интеллектуальной биографии «Слова» (1964), написанные им книги возникали для того, чтобы ответить на тот же самый вопрос, что и в его исследованиях о Ж. Жене и Г. Флобере, — «Как человек становится тем, кто пишет, кто хочет говорить о воображаемом?» или «Каким вообще должно быть сознание, если справедливо, что всегда должно быть возможно конституирование образов?» (Сартр, 2001: 295). В работах раннего периода философа творческое воображение определяется неологизмом Сартра как акт неантнизации (*néantisation*) и именно поэтому признается источником прекрасного как ценности ирреального мира: «Красота — это достоинство, которое если и можно было бы чему-либо приписать, то только воображаемому, и которое подразумевает обращение в небытие мира в его сущностной структуре» (там же: 316). Ведь «представлять себе сознание лишенным способности воображения столь же абсурдно, как и считать его неспособным осуществить процедуру *co-gito*» (там же: 308).

В предлагаемой статье ставится задача анализа творческой конструктивности акта воображения как существенного и трансцендентального условия сознания через призму возможных интерпретаций одного из парадоксальных сартризмов: «Акт воображения есть в одно и то же время *конституирующий, изолирующий и уничтожающий акт*» (там же: 298).

ЭКСПОЗИЦИЯ ОСНОВНЫХ ТЕМ САРТРА О ВООБРАЖЕНИИ И ВООБРАЖАЕМОМ

Гуссерлевская идея интенциональности сознания задавала перспективу построения сартровской теории воображения: «...сама концепция *интенциональности* призвана обновить понятие образа» (здесь и далее в цитатах курсивы сохранены авторские. — Г. В.) (Sartre, 2012: 121). [Последующее различие позиций Э. Гуссерля и Сартра в представлении экзистен-

циального статуса интенциональных объектов проанализировано, в частности, в статье Я. Слинни (см.: Слинни, 2001).] В следующей после «Воображения» (1936) работе «Эскиз теории эмоций» (1939), критически очерчивая границы применения принципов и методов психологии к изучению эмоций (как в классической, так и в психоаналитической теориях), Сартр отмечает продуктивность и своевременность возникновения альтернативной теории — феноменологической. Правда, пока его больше интересует «такая экзистенциальная структура мира, которая является магической» (Сартр, 2008: 194), и соответственно механизмы управления категорией магического интерпсихическими отношениями людей в обществе. В связи с этим выделяются два типа эмоций в зависимости от того, конституируется ли магия мира самим человеком с целью преобразования мира причинных связей или же первоначальная магия и значение эмоции идут от мира. Пояснение второго типа эмоции следующее: она «имеет место, когда мир (связанных причинными отношениями) средств внезапно исчезает, а на его месте появляется магический мир» (там же: 196). Именно такая непредсказуемая эмоция исцелила главного героя экспериментального романа «Тошнота» (1938). Ведь не случайно рассматриваемые работы по воображению считаются теоретическим выражением практической позиции героя А. Рокантена, которым в описываемый период в «Словах» (1964) Сартр себя признавал. И «внезапному падению сознания в магическое» (так называет эмоцию Рокантен-Сартр) не мешает ни докучливое довольство существованием присутствующих в кафе, ни легкое покашливание иглы на пластинке. Оставив за собой право подробного исследования экзистенциальной магической структуры мира в последующих произведениях, Сартр все-таки обращает особое внимание на разнообразную активность эмоции в переживаниях нового сознания перед лицом нового мира и формулирует предварительный тезис будущего исследования «Воображаемое» (1940): «...очищающая рефлексия феноменологической редукции может воспринимать эмоцию постольку, поскольку эмоция конституирует мир в магической форме» (там же: 196).

Создание феноменологической теории воображения и ноэватического коррелята этой деятельности — воображаемого — начинается Сартром с выявления четырех особенностей образа: первая — «образ есть некое сознание», вторая — образ как «феномен квазинаблюдения», третья — «образное сознание полагает свой объект как некое небытие», четвертая — спонтанность. Именно третья характеристика образа является важнейшей чертой воображающего сознания. Через три года в работе «Бытие и ничто» (1943) Сартр продолжит рассмотрение этой неантизирующей способности сознания в контексте феноменологической концепции ничто: «Образ должен включать в саму свою структуру ничтожащее положение. Он формируется как образ, полагая свой объект как существующий *в другом месте* или *несуществующий*. Он несет в себе двойное отрицание: он есть вначале ничтожение мира (поскольку он не есть мир, который давал бы в настоящем в качестве действительного предмета восприятия предмет, рассматриваемый в образе), затем — ничтожение предмета образа (поскольку он полагается как нереальный) и тут же ничтожение самого себя (поскольку он не является конкретным и полным психическим процессом)» (Сартр, 2000: 63). А пока нам предлагается знакомство со статикой образа и описание ментального образа как функциональной установки, что приводит к покиданию «твердой почвы» феноменологической дескрипции и обращению к экспериментальной психологии, а также исследованию воображаемой жизни (ирреальной деятельности) от поведенческих реакций до галлюцинаций и сновидений.

Необходимо заметить, что, конкретизируя третью особенность образного сознания, Сартр формулирует четыре тезиса, позволяющих рассматривать образ как позиционный акт: он может полагать объект либо как несуществующий, либо как отсутствующий, либо как существующий в другом месте, либо не полагать свой объект как существующий

(см.: Сартр, 2001: 65, 301). После констатации общей черты четырех формул — все они содержат в той или иной степени категорию отрицания — делается вывод о том, что акт отрицания конститутивен в отношении образа. Более того, именно возможность полагать ирреальный тезис является существенным и необходимым условием деятельности воображающего сознания. Важно только выявить, относительно чего совершается отрицание.

САРТР И ШОПЕНГАУЭР

Следует отметить существенное сходство теории воображения Сартра и позиции А. Шопенгауэра в анализе способности эстетического созерцания. Идея Шопенгауэра об уникальности эстетического видения мира основывается на различии ограниченного познания, которое «находится всецело на службе у воли» (подчиненное закону основания, оно рассматривает обстоятельства времени и пространства, причины естественных изменений, мотивы событий, т. е. отношения вещей), и свободного познания, которое «освобождается от служения воле» («чистый, безвольный, вневременной субъект познания» пребывает в созерцании идеи и вечной формы). Первое воспринимает вещи с помощью устройства нашего интеллекта (время, пространство, причинность) и в «соответствии с ним — это восприятие *имманентное*; то же, которое сопровождается сознанием своих обусловленных моментов, — это восприятие *трансцендентальное*» (Шопенгауэр, 1992: 189). И если, по Канту, последнее получается *in abstracto* посредством критики чистого разума, то, по Шопенгауэру, оно возникает как интуитивное восприятие платоновской идеи. По сути, речь идет о смене позиций сознания, в которой переход от обыденного познания отдельных вещей к познанию идеи совершается внезапно и покоится на основании освобождения интеллекта от подчинения воле (описание сходной дихотомии в характеристике сознания можно встретить у Сартра: реализующей установки воспринимающего сознания, «погрязшего в мире», которое бесконечно увязает в реальном, и ирреализующей установки воображающего сознания, которое ради свободы ускользает от мира в силу самой своей природы). Далее, Шопенгауэр подчеркивает важность предвещающих процесс художественного творчества изменений в субъекте: «Для того чтобы воспринять какую-либо идею, для того чтобы она вошла в наше сознание, в нас должно произойти определенное изменение, которое можно рассматривать и как некий акт самоотрицания, ибо оно состоит в том, что сознание вдруг полностью отворачивается от собственной воли» (Шопенгауэр, 1999: 469). Аналогичная последовательность полагается Сартром: для того чтобы сознание могло воображать, нужно, чтобы оно «могло в самом себе черпать силы для попятного движения по отношению к миру. Одним словом, нужно, чтобы оно было свободным. Таким образом, ирреальный тезис указал нам в качестве своего условия возможность отрицания, а это последнее возможно лишь благодаря “обращению в небытие” (*nèantisation*) мира как тотальности, и это обращение в небытие раскрылось нам как оборотная сторона этой самой свободы сознания» (Сартр, 2001: 303). Следовательно, воображение согласно концепции Сартра («образный акт есть инверсия реализующего акта») не только не связано с отражением реальности, но, напротив, оппозиционно и совершенно несовместимо с ним: «...мы не можем... воспринимать и воображать одновременно, нужно, чтобы было или то, или другое» (Сартр, 2000: 281), «...восприятие не имеет ничего общего с воображением; оно, напротив, его исключает, как и воображение исключает восприятие» (там же: 602). Поскольку воображающая установка сознания возникает лишь при условии неантизации реального объекта, постольку осуществление эстетического проекта как средства создания антитезы реальности начинается с феноменологического ничтожения мира отвращающимся от него сознанием, которое больше не воспринимает его, т. е. с отрицания: ирреальное «всегда должно конституироваться на фоне отрицаемого им мира» (Сартр, 2001: 305).

Сам же Сартр обращается к Шопенгауэру (знаменитый кантовский тезис о незаинтересованности эстетического видения соотносится с темой о своеобразном смещении воли и способности) в процессе рассмотрения экзистенциального типа произведения искусства, формулирования главного положения своего исследования — «произведение искусства есть нечто ирреальное», анализа соотношения реального и воображаемого в художественном произведении.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ

Исследуя специфику эстетического наслаждения, особенности восприятия художественного произведения, Сартр определяет вещную сторону артефакта как его материальный аналог (*analogon*). Проблема бытия эстетического объекта рассматривается на примерах музыки — сравнении пропорций ирреального и реального в прослушивании 7-й симфонии Бетховена, живописи — удвоении чувственной ценности красного цвета с помощью ворсистости ковра на полотне Матисса, драматического искусства — описание трансформации актерской природы в процессе исполнения Гамлета и зрительской природы в процессе соответствующей рецепции. Расширить объем второго примера позволяет различие А. Кожевым в статье «Конкретная (объективная) живопись Кандинского» четырех типов «изобразительной» живописи, каждый из которых «более или менее субъективен и абстрактен, чем другие: живопись “символическую”, “реалистическую”, “импрессионистскую” и “экспрессионистскую»» (Кожев, 2006: 275). А вот последний пример попутно подводит итог знаменитой дискуссии о парадоксе комедианта, который касался веры или неверия актера в изображаемого им персонажа. Именно благодаря тому, что актер использует все свое тело, жесты, чувства в качестве аналога воображаемого героя, «он оказывается захвачен ирреальным, вдохновлен им. Не персонаж *реализуется* в актере, а актер *ифреализуется* в своем персонаже» (Сартр, 2001: 313). Другими словами, некоторая реальность, названная аналогом и действующая как символ, позволяет ирреализовать исходный материал посредством функции, которой его наделяют.

Со временем, возвращаясь к неутешительным характеристикам — «тошнота и отвращение» — воспринимающего сознания (переход к которому связан с разблокированием воображаемого и возобновлением контакта с действительностью), доводя эту негативность до предельной возможности, Сартр разрабатывает теорию творчества в круге несвободы. Эскапизм, понимаемый как бегство от реального мира в иллюзорный мир фантазии и воображаемого, становится основой тщательного анализа и воссоздания жизни и творчества «проклятых поэтов»: Ш. Бодлера, Ж. Жене, Г. Флобера. Только сартровский Бодлер превратился в предмет «философской вивисекции» (Г. Косиков), что стало поводом для систематической критики подобного истолкования опыта поэта Ж. Батаем, М. Бланшо, Ж. Бленом. А вот, несмотря на то что литературный анализ катастрофического в своих демонических пределах романтизма Жене естественно оказался несвободным от погружения в биографию и жизнеописание «святого мученика», данное исследование позволило Батаю определить его как одно из лучших описаний поисков «невозможной Ничтожности» в стремлении к *бытию* ради существования (см.: Батай, 1994). Именно в этом эссе («Святой Жене, лицедей и мученик», 1952) эстетика как опыт невозможного рассматривается в качестве безумной попытки замещения целостного мира видимостью мира. Хотя, по замечанию С. Исаева, как писатель Жене только и сделал, что «поместил своих героев в такой изначально греховный мир или, что точнее, в мир, где грех — нормальное, даже какое-то будничное измерение человеческой жизни, а вовсе не что-то из ряда вон выходящее... Но тут вдруг оказалось, что подобный прием сработал как своего рода увеличительное стекло. Больно ударившее по глазам сгущение красок показало, что это вовсе не чуждое, исключительное,

а самое что ни есть настоящее и общее для всех измерение человеческого бытия» (Исаев, 2000: 8). В одном из своих последних произведений, посвященных реконструкции «универсальной единичности» Флобера (научном романе «Идиот в семье», 1971), Сартр возвращается и к анализу переживания ирреальности субъективного движения как сознающей себя иллюзии, и к размышлениям о технических приемах, благодаря которым становятся воображающим человеком. В прологе «Вопросах метода» (1957) к этому крупномасштабному полотну автор корректирует собственные приемы предыдущих критических опытов, формулируя параметры прогрессивно-регрессивного метода.

САРТР И ЕВРЕИНОВ

Представляется возможным построение еще одной сюжетной линии в гипотетическом диалоге дальнейшего рассмотрения воображающего сознания, и эта тема предполагает обращение к принципу преобразования современника Сартра — Николая Евреинова. На первый взгляд прием «остранения» в духе В. Шкловского ближе к описываемой ситуации, но в трактате эмиграционного периода «Откровение искусства» (рукопись, хранящаяся в РГАЛИ, датирована 1934–1937 гг., первая публикация в 2012 г.) Евреинов настаивает на своем авторстве открытия подобного художественного приема, указывая на то, что термин Шкловского «остранение» есть лишь менее удачное обозначение метода театрализации (Евреинов, 2012: 234, 236). И действительно, много ранее открытий формалистов в книге Евреинова «Театр как таковой» (1912) предлагается своеобразное уточнение концепта театральности через рассмотрение инстинкта преобразования. Он определяется как «инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком, инстинкт трансформации видимостей Природы» (Евреинов, 2002: 43). Иначе говоря, провозглашается идея преодоления природы через желание не быть самим собой, преобразования себя через собственное неприятие, возможности стать другим посредством отрицания. В представляемой переоценке неологизм «театральность» выступает универсальной первоосновой творчески-преобразующей воли, трансцендентальным условием любой деятельности, законом «общеобязательного творческого преобразования воспринимаемого нами мира», доминирующей установкой которого является положение: «Главное — *не быть самим собой!* — вот театральный императив человеческой души» (там же: 148). В таком контексте осмысления театральности, которая «обслуживает инстинкт преобразования» и подобна методу «жизненного порыва» или «творческой эволюции» А. Бергсона, Б. Казанский (его комментарий концепции Евреинова по-прежнему актуален) интерпретирует самодовлеющее творческое усилие стихийной воли к театру как самоцель, что чрезвычайно расширяет понимание творчества: теперь оно воспринимается уже не как «прерогатива благородного искусства, а как существеннейшая, органическая функция личности, жизненная эссенция, имманентная ей, поднимающаяся из нее самой и изнутри ее властвующая» (Казанский, 1925: 44). Кульминационный момент в конкретизации определения категории театральности воплощается Евреиновым во введении еще одного неологизма — «театрократия», рассматриваемого как господство «над нами Театра, понимаемого в смысле закона общеобязательного творческого преобразования воспринимаемого нами мира» (Евреинов, 2002: 118). Подобное театрократическое переосмысление жизни повлекло за собой построение оригинальной концепции культурной антропологии, воплотившейся в работе «Театр для себя» (1915–1917). А вот в «Откровении искусства» (2012), несмотря на то что концепт театральности, столь значимый для доэмигрантского периода, уходит из центра культурологического исследования к эстетической периферии, «метод театра» аргументированно позиционируется не только в качестве условия создания художественных произведений, но как универсальный метод преобразования сущего. «Метод театра» рассматривается как театра-

лизация нетеатральных видов искусства и понимается как акт преобразования, сопутствующий рождению творения: «Можно даже сказать, что в *преобразении* действительности, лежащей в основе этого “метода театра”, обретается ключ к самой душе художника как человека, к его внехудожественным вкусам и к тому *переживанию* (настроению, душевному запросу, атавистической реминисценции), какое *доминировало* в нем при создании того или иного произведения искусства» (Евреинов, 2012: 544). Преображает нас театрально и погружение в созданное произведение: в портретной живописи большой интерес представляет психологический грим на портрете, нежели его информационная сторона; в пейзажной живописи пересочиненная природа воздействует как артистическая ведетта; в скульптуре мы вживаемся в образы в словно на миг застывшие роли; музыка максимально «пружинит» воображение и вызывает импровизации зрительных символов; словесные искусства еще полнее и определеннее втягивают нас в ирреальный мир, при этом в литературном произведении иногда может быть больше театра, чем в сценическом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Воля к преобразению» Евреинова и «акт воображения, взятый в своей всеобщности» Сартра представляются трансцендентальными условиями конструктивной деятельности. Ведь под воображением подразумевается не какая-то особая способность сознания, а деятельность сознания в целом: «...воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания» (Сартр, 2001: 306). Так последовательно выстраивается отрицательное определение свободы, сущностью которой является негативность или «неантиципирующая» способность сознания. Поэтому-то «воображаемое» у Сартра нередко интерпретируется как мостик между «конкретным» творческого процесса и «всеобщим» философией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батай, Ж. (1994) Литература и зло. М. : МГУ. 166 с.
- Евреинов, Н. Н. (2002) Демон театральности. М. ; СПб. : Летний сад. 534 с.
- Евреинов, Н. Н. (2012) Откровение искусства. СПб. : Изд. дом «Мирь». 776 с.
- Исаев, С. А. (2000) Нежный // Жене Ж. Строгий надзор. М. : ГИТИС. 476 с. С. 7–22.
- Казанский, Б. В. (1925) Метод театра (анализ системы Н. Н. Евреинова). Л. : Academia. 172 с.
- Кожев, А. (2006) Атеизм и другие работы. М. : Праксис. 512 с.
- Магун, А. В. (2006) К проблеме Ничто у Хайдеггера и Сартра // Ж.-П. Сартр в настоящем времени: Автобиографизм в литературе, философии и политике : Мат. межд. конф. в С.-Петербурге 8–9 июня 2005 г. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 240 с. С. 124–133.
- Сартр, Ж.-П. (2000) Бытие и ничто: Опыт феноменолог. онтологии. М. : Республика. 639 с.
- Сартр, Ж.-П. (2001) Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб. : Наука. 319 с.
- Сартр, Ж.-П. (2008) Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Хрестоматия / сост. В. К. Вилюнас. СПб. : Питер. 496 с. С. 176–196.
- Слинин, Я. А. (2001) На подступах к экзистенциализму: Размышления Ж.-П. Сартра о воображении и воображаемом // Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб. : Наука. 319 с. С. 5–48.
- Шопенгауэр, А. (1992) Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 5 т. М. : Московский клуб. Т. 1. 395 с. С. 37–378.
- Шопенгауэр, А. (1999) Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Соч. : в 2 т. Минск : Попурри. Т. 2. 832 с. С. 3–812.
- Sartre, J.-P. (1936a) La transcendance de l'Ego: esquisse d'une description phénoménologique // Recherches philosophiques. Vol. 6. P. 85–123.
- Sartre, J.-P. (1936b) L'imagination. Paris : Alcan. 162 p.

- Sartre, J.-P. (1939) *Esquisse d'une théorie des émotions*. Paris : Hermann. 52 p.
 Sartre, J.-P. (1940) *L'imaginaire. L'imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination*. Paris : Gallimard. 373 p.
 Sartre, J.-P. (2012) *L'imagination*. Paris: PUF. 139 p.

Дата поступления: 30.08.2014 г.

*THE MIND'S ABILITY OF NEANTISATION
 IN EARLY SARTRE'S PHENOMENOLOGY OF CREATIVITY*

G. A. VOSTROVA

(NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW)

J.-P. Sartre's philosophical inquiry of begins with the issue of imagination. One of the philosopher's theoretical principles was the notion of the negativity of consciousness which is most fully embodied in creative work. In his early works, Sartre defines and studies creative imagination by means of a neologism he coined — "néantisation". The very moment of denial embodied in neantisating ability of imagining consciousness is considered to be the source and foundation of the beautiful as a value of the unreal world.

The article's objective is to analyze the creative constructiveness of the imagination act as the essential and transcendental condition of the consciousness in the phenomenology of early Sartre, including the discovery of historical and philosophical prerequisites of the specified position (in particular, Schopenhauer's interpretation of aesthetic contemplation as a human ability) and the identification of analogies of the selected approach in 20th century theory of art (i.e., N. Evreinov's transfiguration principle).

In his earlier works, Sartre noted the efficiency of the phenomenological theory in the study of image and investigation of emotions. He focused his interest on the analysis of the emotion, which constitutes the existential magical structure of the world. It is important that the sudden appearance of the magical world is preceded by the disappearance of the real world bound with cause-effect relationships. This moment can be regarded as a preliminary thesis in creating not only the phenomenological theory of imagination and imaginary philosopher, but also his later phenomenological concept of nothingness.

It seems that the study of creative imagination by means of Sartre's neologism "néantisation" (néantisation) is deeply seated in the philosophical tradition. Thus, Schopenhauer notes the importance and necessity of change in the subject (the act of self-denial involving the withdrawal of consciousness from its own will), which precedes the artistic creativity and provides a unique aesthetic vision of the world. An analogical sequence is found in Sartre: the imaginary mindset of the consciousness arises only under "the conversion to non-existence" of the real world, in other words, the artistic creation begins with a phenomenological destruction of the world by the consciousness turning from it away. Having driven this negativity to the maximum in his reconstruction of archaeological biographies of the "cursed poets", Sartre develops the theory of creation within the circle of non-freedom. Another analogy to Sartre's treatment of the imaginative consciousness can be found in N. Evreinov's transfiguration principle.

Hence, Sartre's "act of imagination taken in its totality", Schopenhauer's "pure and will-less subject of knowledge", and Evreinov's "will to transfiguration" interpret the act of imagination as the simultaneously constituting, isolating and destroying act.

Keywords: J.-P. Sartre, creativity, freedom, negation, imagination, imaginary, néantisation, transformation, A. Schopenhauer, N. Evreinov.

REFERENCES

- Bataille, G. (1994) *Literatura i zlo* [Literature and evil]. Moscow, Moscow State University Publ. 166 p. (In Russ.).
 Evreinov, N. N. (2002) *Demon teatral'nosti* [The Daemon of Theatricality]. Moscow ; St. Petersburg, Letnii sad Publ. 534 p. (In Russ.).

Evreinov, N. N. (2012) *Otkrovenie iskusstva* [The Revelation of Art]. St. Petersburg, Mir Publ. 776 p. (In Russ.).

Isaev, S. A. (2000) *Nezhnyi* [The Gentle]. In: Genet, J. *Strogii nadzor* [Deathwatch]. Moscow, GITIS Publ. 476 p. Pp. 7–22. (In Russ.).

Kazanskii, B. V. (1925) *Metod teatra (analiz sistemy N. N. Evreinova)* [The Method of Theater (An Analysis of N. Evreinov's System)]. Leningrad, Academia Publ. 172 p. (In Russ.).

Kojeve, A. (2006) *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and Other Works]. Moscow, Praksis Publ. 512 p. (In Russ.).

Magun, A. V. (2006) К проблеме Nichto u Khaideggera i Sartra [On the Problem of Nothingness in Heidegger and Sartre]. In: *Zh.-P. Sartr v nastoiashchem vremeni: Autobiografizm v literature, filosofii i politike* [J.-P. Sartre in the Present Tense: Autobiographical Literature, Philosophy and Politics] : proceedings of the international conference in St. Petersburg. June 8–9, 2005. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. 240 p. Pp. 124–133. (In Russ.).

Sartre, J.-P. (2000) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika Publ. 639 p. (In Russ.).

Sartre, J.-P. (2001) *Voobrazhaemoe. Fenomenolog psikhologiiia voobrazheniia* [The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination]. St. Petersburg, Nauka Publ. 319 p. (In Russ.).

Sartre, J.-P. (2008) Oчерк teorii emotsii [The Emotions: Outline of a Theory]. In: *Psikhologiiia emotsii. Kbstomatiiia* [The Psychology of Emotions: A Reader]. St. Petersburg, Piter Publ. 496 p. Pp. 176–196. (In Russ.).

Slinin, Ia. A. (2001) Na podstupakh k ekzistentsializmu: Razmyshleniia Zh.-P. Sartra o voobrazhenii i voobrazhaemom [Approaching Existentialism: J.-P. Sartre's Reflections on Imagination and the Imaginary]. In: Sartre, J.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaiia psikhologiiia voobrazheniia* [The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination]. St. Petersburg, Nauka Publ. 319 p. Pp. 5–48. (In Russ.).

Schopenhauer, A. (1992) *Mir kak volia i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. In: Schopenhauer, A. *Sochineniia* [Works] : in 5 vols. Moscow, Moskovskii klub Publ. Vol. 1. 395 p. Pp. 37–378. (In Russ.).

Schopenhauer, A. (1992) *Mir kak volia i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. In: Schopenhauer, A. *Sochineniia* [Works] : in 2 vols. Minsk, Popurri Publ. Vol. 2. 832 p. Pp. 3–812. (In Russ.).

Sartre, J.-P. (1936a) La transcendance de l'Ego: esquisse d'une description phénoménologique. *Recherches philosophiques*, vol. 6, pp. 85–123. (In Fr.).

Sartre, J.-P. (1936b) *L'imagination*. Paris, Alcan. 162 p. (In Fr.).

Sartre, J.-P. (1939) *Esquisse d'une théorie des émotions*. Paris, Hermann. 52 p. (In Fr.).

Sartre, J.-P. (1940) *L'imaginaire. L'imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination*. Paris, Gallimard. 373 p. (In Fr.).

Sartre J.-P. (2012) *L'imagination*. Paris: PUF. 139 p. (In Fr.).

Submission date: 30.08.2014.

Вострова Галина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Тел.: +7 (495) 772-95-90, вн. 22694. Эл. адрес: galinus@gmail.com

Vostrova Galina Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Studies, Faculty of Philosophy, National Research University Higher School of Economics. Postal address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000. Tel.: +7 (495) 772-95-90, int. 22694. E-mail: galinus@gmail.com